

Вильям Смирнов: «Концепция прав человека, завоевавшая весь мир, отвергает репрессивное насилие»

Вильям Викторович Смирнов (родился в 1941 году в Серпухове Московской области) — доцент кафедры политологии и политического управления, кандидат юридических наук. С 1969 по 1974 год работал в Институте социологии Академии наук СССР, с 1974-го — в Институте государства и права Академии наук СССР. Вел научную работу в США по программам IREX и Института имени Дж. Кеннана Международного научного центра имени Вудро Вильсона (США). В 2001-2002 годах — профессор по приглашению Университета г. Остин, штат Техас, США. С 1996 года — член Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации, в 1998–2001 годах — заместитель председателя Комиссии. В 2001–2009 годах — член Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, в 2001–2004 годах — ответственный секретарь Совета. В 2011–2016 годах — научный руководитель Секции по вопросам международного сотрудничества Общественного научно-методического консультативного совета при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Академик Российской академии политической науки, председатель Ревизионной комиссии Российской ассоциации политической науки, член Координационного совета по защите избирательных прав граждан, член общественного совета «Честный выбор», член Бюро международной общественной организации «Федерация мира и согласия», заведующий сектором теории права и государства Института государства и права РАН.

Ред. Вильям Викторович, вы учились на юридическом факультете МГУ имени Ломоносова и в аспирантуре в сравнительно либеральное время, в середине 60-х годов. С понятием прав человека тогда познакомились?

В.С. Нет, в советских источниках это понятие почти не встречалось. Речь шла преимущественно о социальных и экономических правах. Понятие «права человека» партийными идеологами трактовалось, за редким исключением, как «буржуазное». Для МГУ делалось некоторое исключение, поскольку в Университете училось довольно много иностранных студентов и аспирантов, в том числе из западных стран. Поэтому мне удалось написать курсовую работу по гражданским и политическим правам, главным образом в США. Естественно, источники были в основном на английском и французском языках, которыми я неплохо владел, поскольку занимался сравнительным конституционным правом.

Социологию тогда как науку, после краткого периода ее расцвета в 20-е — начале 30-х годов, начали легитимизировать только в конце 60-х — начале 70-х годов. Это стало возможным во многом благодаря академику Академии наук СССР, члену ЦК КПСС директору Института конкретных социальных исследований (ИКСИ) Академии наук СССР А.М. Румянцеву. Социологии было все же лучше, чем политической науке, которой стало возможным профессионально заниматься только к концу 80-х годов. И то только после того, когда ее переименовали из «буржуазной политической науки» в советскую «политологию».

Правами человека, human rights, хотел заниматься такой талантливый человек, как легендарный профессор МГУ Август Алексеевич Мишин — либерал, вольнодумец, ветеран Великой Отечественной войны, вернувшийся с фронта без одной руки. Но в итоге и он, и профессор МГУ Георгий Васильевич Барабашев не рекомендовали мне заниматься этой темой, если хочу защититься. Может быть, я и сам был недостаточно настойчив в отстаивании своего первоначального выбора. Взял более нейтральную тему: американское местное самоуправление, местная политика США.

О том, что существует американская политическая наука, я уже знал. Через обращение к ней появилась возможность заглянуть в сферу прав человека, но уже внутри выбранной для диссертации темы. Позже узнал, что разрешение на занятие проблематикой human rights принималось на уровне Отдела науки ЦК КПСС, и при согласовании с КГБ. Но интерес к правам человека у меня оставался, учился я хорошо, стал ленинским стипендиатом. Но, что такое партийное коварство, до поры не знал.

Ред. Расскажите, пожалуйста.

В.С. Преподаватель по истории КПСС предложил поговорить откровенно об учебном процессе, ведь партия, дескать, открыта для высказывания мнений. Ребята, учившиеся со мной, почти все прошли армию и знали приемчики политруков, а я был зеленый и начал распространяться о том, как, с моей точки зрения, следует улучшить преподавание. Высказался, в частности, на тему, что ранние работы Ленина недостаточно известны, недостаточно обсуждаются, а ведь в них он рассматривал различные аспекты общественно-политической мысли, порой менял позицию. Оказалось, что это была провокация чистой воды. На другой день меня вызвала инспектор курса и провела со мной «профилактическую беседу». Стало ясно: только потому, что я ленинский стипендиат, хорошо учусь, меня простят. А совет был дан простой: прежде чем говорить — думай. Совсем не обязательно люди, предлагающие поговорить откровенно, твои доброжелатели. Урок этот я, конечно, запомнил.

Однако вернемся к моим научным интересам. Через местную политику американских штатов меня тянуло заняться политическими правами. Оба моих руководителя считали, что меня «заносит». Они бывали за границей, все отлично знали и понимали: эта тема не пройдет. Табу! Даже если развивать тему на уровне одного штата.

В 1969 году я надломился и ушел с юридического факультета МГУ в ИКСИ АН СССР¹ по приглашению Фёдора Михайловича Бурлацкого. Он привлекал научных сотрудников, знавших иностранные языки, для освоения новой отрасли социальной науки — политической социологии. Я искал применение себе там, где чувствовалось дыхание новизны, среди таких

¹ Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР с 1968-го по 13 июля 1972 года, ныне Институт социологии Российской академии наук.

ученых этого института, как А.А. Галкин, Б.А. Грушин, Ю.А. Левада, В.Н. Шубкин, В.А. Ядов.

Трехгодичный период академического послабления сменился очередными идеологическими заморозками. В 1972 году либерального академика А.М. Румянцева на посту директора ИКСИ Академии наук СССР заменили лояльным Отделу науки ЦК КПСС член-корреспондентом Академии наук СССР М.Н. Руткевичем, а редуцированный отдел Ф.М. Бурлацкого переместили в Институт государства и права Академии наук СССР. Директор этого института академик В.Н. Кудрявцев предложил мне заняться социологией права, поскольку политическая социология и социология права близки. При этом он сказал примерно следующее: надеюсь, что вы будете соблюдать все правила, формальные и неформальные, принятые в Институте. В общем, Владимир Николаевич взял меня на поруки. Всегда буду ему за это благодарен. А многие социологи не могли устроиться по специальности еще долго.

Ред. Как вы встретили перестроечное время?

В.С. Поначалу с энтузиазмом. Ходил на митинги в Академии наук, участвовал в дискуссионных клубах. Рассчитывал на быстрые преобразования. Предавался некоторым иллюзиям в отношении М.С. Горбачева: казалось, что с ним есть шансы на реформы. В 1990 году я в это уже не верил, раскол общества шел на глазах. И вот тогда о правах человека стали говорить много, они становились центральной темой. Это был сильный аргумент для проведения реформ. *Хотя люди не знали досконально, что такое права человека, но сама тема грела сердце.* Дискуссии об этом шли главным образом в центре страны, преимущественно среди интеллигентов Москвы и Ленинграда. Но главное заключалось в том, что тема вышла из подполья.

Ред. А вы в это время в первую очередь чем занимались?

В.С. Полагаю, что мои выступления тогда были скорее публицистикой, это было далековато от науки. К осмыслению темы прав человека я вернулся в связи с событиями 1993 года. Это был переломный момент. Я тогда разошелся со многими радикальными либералами, считал, что проблему нужно решать не силой, не стрельбой из танков. Был убежден, что кризис можно решить мирным, политическим путем. Тогда произошла утрата надежд на мирную трансформацию политической системы.

Я исходил из того, что *концепция прав человека, завоевавшая почти весь мир, отвергает репрессивное насилие.* Насилие возможно, но оно должно опираться на справедливые законы. Выступал не за коммунистов, а за закон: война против идеологии бессмысленна. Ведь в Штатах, даже в непростой период маккартизма, компартию и коммунистов не репрессировали.

Ред. А что вы знали о Комиссии по правам человека?

В.С. Я был знаком с Сергеем Адамовичем Ковалёвым как с депутатом. Он меня стал привлекать к работе, я начал взаимодействовать с Комиссией. Личность Ковалёва впечатляла. Он был из поколения диссидентов-борцов. Я почти физически чувствовал, что этот человек не побоится за свои убеждения отдать жизнь. Но Б.Н. Ельцин и его окружение требовали компромиссов, а Ковалёв был революционером в правозащитном движении. Для него не было ничего привлекательного в том, чтобы сидеть в кабинете. Он был боец, поэтому и в Чечне отстаивал ценности прав человека, как он их понимал. В своем принципиальном радикализме он был непреклонен.

Документ

«В связи с празднованием 50-летия принятия Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека Президент России объявил 1998 год годом прав человека в Российской Федерации и поручил Комиссии по правам человека с участием заинтересованных органов государственной власти и научно-исследовательских организаций разработать проект Федеральной концепции по обеспечению и защите прав человека.

Цель концепции — дать объективную характеристику существующего положения с правами человека в посттоталитарной России и предложить меры по созданию действующих гарантий реализации и обеспечения основных прав и свобод личности.

При подготовке этого документа Комиссия исходила из того, что одним из величайших завоеваний человечества уходящего XX века является создание кодекса международно-правовых документов о правах и свободах человека и международных институтов и организаций, призванных обеспечить реализацию их положений. Начиная с принятия в декабре 1948 года Всеобщей декларации прав человека происходит непрерывный процесс кодификации прав человека как на международном, так и на национальном уровнях, совершенствование институтов и процедур их обеспечения и защиты. Более чем полувековой опыт движения человечества по этому пути неопровержимо доказал, что без обеспечения прав и свобод человека невозможны достижение демократии и социально-экономического процветания, построение правового государства».

Владимир Карташкин, председатель Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации. «О Федеральной концепции по обеспечению и защите прав и свобод человека», 15 ноября 1999 года

Ред. В Комиссию вы попали уже при следующем председателе?

В.С. Да, меня пригласил Владимир Алексеевич Карташкин. Долго беседовал со мной, расспрашивал. Вообще-то, мы были знакомы по Институту государства и права РАН. Меня включили в состав Комиссии, затем я стал ответственным секретарем и заместителем председателя.

Карташкин — блестящий юрист-международник, стиль в его Комиссии был совсем не такой, как у Сергея Адамовича Ковалёва. И эпоха наступала другая, не революционная, а более консервативная. В связи с работой Комиссии я общался со всеми помощниками Б.Н. Ельцина, но прежде всего с помощником президента по правовым вопросам Михаилом Александровичем Красновым². Так случилось, что со всеми ними я был давно знаком по общественно-академической деятельности еще в советские времена. И В.А. Карташкин старался, чтобы деятельность Комиссии носила не столько публичный, сколько экспертный характер, главное внимание уделялось законодательным инициативам.

ПОЗИЦИЯ

«Только через гражданский контроль можно реализовать права и свободы человека. Несомненно, что никакая модернизация без гражданского общества в стране не состоится».

Ред. Какими разработками вы занимались?

В.С. Мы подготовили проект Федеральной концепции обеспечения и защиты прав и свобод человека. Много было публикаций по политическим правам, хотя кураторы из Администрации Президента постоянно поправляли: мол, надо учитывать время, а потом — смену президента.

Работы прибавилось, когда Россия, хоть и с оговорками, ратифицировала Европейскую социальную хартию. Было совещание по этому вопросу. Концепцию обеспечения социальных и личных прав неоднократно перерабатывали, но все никак она не проходила. В результате ее тихо положили под сукно.

Право на свободу информации разрабатывалось в рамках концепции вместе с личными правами. Тут большое влияние оказали М.А. Федотов и Ю.М. Батулин. Я тоже, как мог, это продвигал, увязывая права на получение информации и на распространение информации.

Я старался привлечь внимание к правам женщин и детей, инвалидов, то есть к наиболее уязвимым категориям населения. Организованная по инициативе Комиссии конференция, посвященная 50-летию Всеобщей Декларации прав человека, способствовала этой активности; обсуждение шло с участием ЮНЕСКО.

В целом, делалось немало, но технократу и кабинетному ученому В.А. Карташкину было непросто вот в каком отношении: в Администрации Президента усиливались подозрения в отношении всякого рода

² Свой длительный опыт нахождения во власти Михаил Александрович Краснов изложил в книге «Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа» (М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006).

неодиссидентства. Нарастала тенденция расхождения между правозащитным движением и чиновниками.

Документ

«В основу Концепции прав человека в России положены принципы взаимоотношений человека и государства, признанные международным сообществом. Эти принципы закреплены в Конституции Российской Федерации, вобравшей в себя мировой опыт развития прав человека, нашедший воплощение во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и в ряде других международных актах. Данные принципы гласят:

– права человека принадлежат ему от рождения, поэтому они являются неотъемлемыми и неотчуждаемыми;

– права человека универсальны, основаны на принципе равенства; они гарантированы каждому, кто находится под юрисдикцией государства;

– права человека — высшая ценность, а их уважение, соблюдение и защита — обязанность государства;

– права человека — средство контроля за властью, ограничитель всевластия государства, которое не должно переступать границ свободы, очерченных правами человека;

– обеспечение прав и свобод несовместимо с дискриминацией по какому-либо признаку;

– осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц;

– основные права и свободы должны быть едины на всей территории государства, их регулирование — предмет ведения федеральных органов власти, а обеспечение и защита — совместного ведения федеральной и региональной властей;

– гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права и свободы равноценны по своей значимости, едины (неразделимы) и взаимосвязаны;

– коллективные права неотделимы от прав индивида; они не должны противоречить индивидуальным правам, ограничивать правовой статус личности;

– права человека регулируются законом;

– основные фундаментальные права человека должны соблюдаться в любой ситуации. Они могут быть ограничены только законом и исключительно для указанных в Конституции РФ и в важнейших

международно-правовых актах целях: защиты основ конституционного строя, здоровья, нравственности, прав и законных интересов других лиц, обеспечения общественного порядка, обороны страны и безопасности государства. Временные ограничения прав и свобод человека в условиях чрезвычайного положения должны быть соразмерны и пропорциональны ситуации, определяющей необходимость таких ограничений, и устраняться по мере нормализации ситуации, изменения причин, вызвавших их».

Владимир Карташкин, председатель Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации. «О Федеральной концепции по обеспечению и защите прав и свобод человека», 15 ноября 1999 года

Ред. Вы ведь продолжили работу в Совете и после ухода Владимира Алексеевича Карташкина?

В.С. Меня пригласила Элла Александровна Памфилова войти в новый состав Совета. Тогда значительную роль играл Владислав Юрьевич Сурков. Я к нему отношусь двойственно, если не тройственно. Он, конечно, изощренный политтехнолог с потрясающей интуицией. Он сначала Элле Александровне помогал, потом мешал. И все-таки она пригласила правозащитников, чьи позиции не совпадали с позицией Администрации Президента, а то и самого президента.

В Совет, который до 2004 года назывался Комиссией, были приглашены разные люди, консервативные и наоборот, и не всегда они были совместимы друг с другом. Элла Александровна сумела проявить гибкость и соблюсти плюрализм мнений, старалась сохранять этот баланс. До хлопанья дверьми не доходило. Когда Элла Александровна поняла, что не сможет сохранять этот баланс и с Сурковым отношения разладились, она ушла. Сказала, что в этой ситуации она вряд ли сможет быть полезной президенту.

Ред. Что входило в круг ваших забот в Комиссии, а потом и в Совете?

В.С. Я занимался законами об общественных объединениях, о некоммерческих организациях. Участвовал в составлении записок об укреплении законности, независимости судов и судей, о правах детей.

Мы разрабатывали меры по борьбе с ксенофобией, боролись за укрепление толерантности. В 2000-е годы обострились отношения между националистами и сторонниками толерантности, в этой работе с нами вместе активно участвовал Александр Брод, директор Московского бюро по правам человека.

Ред. А при каких обстоятельствах вы вышли из Совета?

В.С. Это было уже в мае 2009 года. У меня создалось впечатление, что Совет попадает под полный административный контроль. По счастью, я ошибся: в результате сложной аппаратной борьбы Элле Александровне Памфиловой удалось сформировать вполне независимый и ярко выраженный

правозащитный состав Совета. Жаль, что уже в 2010 году ей пришлось оставить свое детище. Когда после ее ухода Совет возглавил Михаил Федотов, я был несказанно рад. У него есть качества подлинного лидера и умение объединять людей разных взглядов, либералов-правозащитников и правых консерваторов. Это не всегда удастся, но в целом это так.

Ред. Вы продолжаете сотрудничать с Советом?

В.С. Я сейчас очень занят лекционной работой, но в меру сил сотрудничаю, всегда готов помочь.

Ред. По какой тематике?

В.С. В первую очередь я выступаю в качестве эксперта по избирательной тематике, по избирательным правам граждан. Участвовал в разработке поправок к Закону об «иностранных агентах», в разработке новой политики по отношению к правозащитным и другим некоммерческим организациям. С середины 2000 годов неправительственные организации обязаны периодически публиковать отчеты о своей деятельности, объеме и источниках финансирования. Раньше в этом вопросе была полная неразбериха: какие деньги получают, как их расходуют, каковы результаты их деятельности? Я сейчас рассуждаю не как представитель НКО, а скорее как независимый исследователь, пытаюсь увидеть достоинства и недостатки нового порядка отчетности. Потенциальная опасность заключается в том, что при желании чиновники смогут легко прессовать неудобные организации. А плюсы — в том, что это подтолкнет НКО к большей открытости и прозрачности. Без этого развитие демократии невозможно. Надо требовать открытости от властей, но при этом и самому быть открытым. Вот здесь, кстати, и проявится зрелость нашего общества, таких институтов, как Общественная палата, Комиссия по правам человека и наследовавший ей Совет по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. Без взаимного диалога, без взаимной открытости не будет доверия между обществом и властью, а значит, и никакого развития демократии не будет.

Ныне я много работаю в Комиссии по отбору грантов для НКО по правозащитной тематике. Речь идет о довольно значительных грантах, которые, надеюсь, сыграют позитивную роль для «Мемориала» и других достойных организаций. Это сейчас значимая часть моей жизни. Пытаюсь соединить правозащитную тематику с разработкой междисциплинарной отрасли знания — юридической политологией.

